

БОЛЬШАЯ САГА О ВЫБОРАХ,
КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ВСЁ

Одно
заявление —
и наш мир
опять
под угрозой...

СИСТЕМА
ВСЕГДА
НА ЧЬЕЙ-ТО
СТОРОНЕ...
ДАЖЕ ЕСЛИ
ЭТО НЕ
ПРАВДА.

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 2

ТОЛСТИКОВ

Часть 4

ПАПКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

ТОМ 10
Государство
поверит первому

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

РЕАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 4. Папка
доказательств. Том 10.
Государство поверит первому

*<https://litres.ru/74572157>
SelfPub; 2026*

Аннотация

После отмены штрафа Лина надеется, что проверки закончились. Но Алексей находит новый способ войти в её жизнь: одно заявление о детях, якобы оставленных без присмотра, одновременно попадает в ПДН, опеку, детский сад и службу приставов.

Пока Лина доказывает, что рядом с детьми находилась соседка, Алексей требует передавать Юлю ему при любой занятости матери. Даже сотрудница ПДН замечает запах алкоголя, однако система обязана рассматривать его как обеспокоенного отца, а Лину — как мать, которую нужно проверить.

Когда Алексей повторяет подробности разговоров, происходивших только в квартире, Лина проводит контрольную проверку. Несуществующая женщина, выдуманное совещание и

точное время появляются в его сообщениях через несколько минут. Технический осмотр ноутбука подтверждает худшее: дом действительно уехал вместе с ними.

«Государство поверит первому» — десятый том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

Содержание

Пролог. Первым говорит заявление	5
Глава 1. Одна версия — четыре адреса	47
Глава 2. Сад закрывается	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 4.
Папка доказательств.
Том 10. Государство
поверит первому

Пролог. Первым
говорит заявление

Первой заговорила не Лина.

Не Павел.

Не соседка, которая несколько часов просидела с детьми.

Не воспитательница, знавшая, что детский сад закрывается на ремонт.

Не врач, видевший Юлю после болезни.

Первым заговорило заявление.

Оно появилось утром.

Несколько страниц, набранных на компьютере. Вверху — название учреждения. Ниже — фамилия заявителя. В конце

— дата и подпись.

Содержание везде было почти одинаковым.

Мать систематически препятствует общению отца с несовершеннолетней дочерью.

Не сообщает достоверные сведения о местонахождении ребёнка.

Оставляет детей без надлежащего присмотра.

Не исполняет условия мирового соглашения.

Слова менялись местами.

Смысл оставался прежним.

В одном учреждении документ приняли через электронную приёмную.

В другом его распечатали и положили на стол сотруднице.

В третьем зарегистрировали входящий номер.

В четвёртом перенаправили по подведомственности.

На полях появились первые отметки.

Проверить.

Запросить объяснения.

Установить местонахождение несовершеннолетней.

Рассмотреть вопрос о наличии признаков ненадлежащего исполнения родительских обязанностей.

Никто из людей, державших заявление в руках, ещё не видел Лину.

Никто не разговаривал с Павлом.

Никто не спрашивал соседку.

Но версия уже существовала.

У неё была дата.

Подпись.

Регистрационный номер.

И человек, указанный в ней как возможный нарушитель.

Лина проснулась от вибрации телефона.

На экране было восемь часов двенадцать минут.

Юля спала рядом, отвернувшись к стене. После болезни она всё ещё иногда просыпалась ночью и просила воду. Павел собирался в школу на кухне. Оттуда доносился звон ложки о кружку.

Номер был незнакомым.

Лина не ответила.

Телефон замолчал.

Через несколько секунд пришло сообщение:

Доброе утро. Вас беспокоит инспектор подразделения по делам несовершеннолетних. Прошу связаться со мной.

Лина перечитала его дважды.

ПДН.

Первая мысль была о штрафе.

Хотя штраф отменили.

Суд признал постановление незаконным. В решении было написано, что пристав не оценил заболевание ребёнка,

домашний режим, предложенные альтернативы и последующую передачу Юли отцу.

Десять тысяч исчезли из личного кабинета.

Но ощущение, что наказание всё ещё существует, осталось.

Лина села на кровати.

Проверила, дышит ли Юля.

Только после этого перезвонила.

Женщина ответила почти сразу:

— Подразделение по делам несовершеннолетних, капитан Орлова.

— Доброе утро. Это Лина Соколова. Вы мне звонили.

На другом конце зашелестели бумаги.

— Да. Подскажите, вы мать несовершеннолетних Павла и Юлии?

— Да.

— Где в настоящее время находятся дети?

Лина посмотрела на дочь.

— Дома.

— Оба?

— Павел сейчас собирается в школу. Юля дома со мной.

— Сегодня вы работаете?

— Да. Из дома.

Короткая пауза.

— А вчера где находились дети?

— Вчера?

— Да.

Лина попыталась понять, к чему ведут вопросы.

— До обеда дома. Потом мы ходили в магазин.

— Одни оставались?

— Нет.

— Кто осуществляет присмотр за детьми, когда вы уходите на работу?

— Обычно Юля в детском саду, Павел в школе. Сейчас сад закрывается на ремонт, поэтому я договариваюсь...

Она остановилась.

На кухне перестала звенеть ложка.

Павел слушал.

— С кем договариваетесь? — спросила инспектор.

— С соседкой.

— Назовите её фамилию, имя и отчество.

— А что произошло?

Собеседница снова помолчала.

— Нам поступила информация, что несовершеннолетние могут находиться без присмотра взрослых.

— От кого?

— Заявитель указан в материале. Вы сможете ознакомиться в установленном порядке.

— Это Алексей?

— Я пока не могу обсуждать содержание обращения по телефону.

— Но вы звоните мне и спрашиваете, где дети.

— Потому что информация касается их безопасности.

Лина встала.

Ноги коснулись холодного пола.

— Дети никогда не остаются одни.

— Павлу сколько лет?

— Одиннадцать.

— Он присматривает за младшей сестрой?

— Нет.

— Совсем?

— Он может подать ей игрушку или позвать меня из другой комнаты. Но я не оставляю на него ребёнка.

— Тогда кто будет находиться с детьми во время ремонта детского сада?

— Соседка.

— Имя?

Лина не ответила.

В памяти прозвучал голос Алексея:

«Почему за моим ребёнком смотрит какая-то Галина?»

Он сказал это вчера вечером.

До того, как дети хотя бы раз остались у соседки.

До звонка из ПДН.

До проверки.

— Лина Андреевна? — позвала инспектор.

— Я здесь.

— Назовите человека, которому собираетесь передавать детей.

— Галина Сергеевна. Она живёт в соседней квартире.

— Фамилия?

— Я дам все сведения при личной встрече.

— Хорошо. Тогда вам необходимо явиться для объяснения. Запишите адрес.

Лина записала.

— Когда?

— Сегодня после четырнадцати или завтра утром.

— Сегодня.

— Возьмите паспорт, свидетельства о рождении детей и документы, подтверждающие занятость.

— А зачем документы о работе?

— Чтобы установить обстоятельства.

— Какие именно?

— Где вы находились и кто присматривал за несовершеннолетними.

Лина закрыла глаза.

События ещё не произошло.

Сад пока работал.

Галина Сергеевна только предложила помощь.

Но Лина уже должна была доказывать, что в будущем не оставит детей одних.

— Я могу получить копию заявления?

— После регистрации материала и в пределах ваших процессуальных прав.

— Оно уже зарегистрировано?

— Да.

— Когда?

Инспектор назвала время.

Семь часов сорок три минуты.

Пока Лина спала, чужая версия её жизни уже получила номер.

— Это Алексей? — спросил Павел.

Он стоял в дверях спальни в школьной форме. Рюкзак висел на одном плече.

— Скорее всего.

— Он опять написал?

— Похоже.

— Про что?

Лина посмотрела на Юлю.

Девочка заворочалась, обняла игрушечного зайца и снова затихла.

— Что вы останетесь одни, когда сад закроют.

— Но мы не останемся.

— Я знаю.

— Галина Сергеевна сказала, что посидит.

— Знаю.

— Тогда зачем он написал?

Лина подняла с пола домашнюю кофту.

— Чтобы это проверили.

— Что именно?

— Что вы не одни.

Павел нахмурился.

— Но если он придумал, он должен доказывать.

— В обычной жизни — да.

— А здесь?

Лина надела кофту.

— Здесь сначала проверяют того, про кого написали.

— Значит, если я напишу, что он оставляет Юлю возле дороги, его тоже проверят?

— Не надо ничего писать.

— Почему? Это же неправда. Как у него.

— Именно поэтому.

Павел поправил рюкзак.

— Получается, ему можно соврать первым, а нам потом нельзя сказать то же самое?

— Нам нельзя становиться похожими на него.

— Тогда он всегда будет первым.

Лина ничего не ответила.

Павел постоял ещё несколько секунд.

— Ты пойдёшь в полицию?

— Да.

— Меня будут спрашивать?

— Не знаю.

— Скажи, что я могу сам рассказать.

— Что именно?

— Что мы не одни.

— Тебе не нужно ничего доказывать.

Он посмотрел на неё слишком серьёзно для своего возраста.

— Но они же не знают.

В этой фразе не было детской наивности.

Павел уже понимал, что существование события и знание о нём — разные вещи.

Что можно находиться рядом с матерью, видеть её каждый день, слышать, как она ночью встаёт к Юле, наблюдать, как она готовит еду, собирает одежду, измеряет температуру, пишет отцу, отвечает приставу, сохраняет документы, — и всё равно одна чужая страница способна поставить это под сомнение.

— Иди в школу, — сказала Лина. — Опоздаешь.

— Ты потом расскажешь?

— Расскажу.

— Всё?

Она хотела привычно ответить: «Посмотрим».

Но остановилась.

— Всё, что буду знать сама.

Павел кивнул и ушёл.

Входная дверь закрылась.

Лина прислушалась.

Шаги сына прошли по лестничной площадке и стихли.

Потом стало тихо.

Не той мягкой тишиной, которую она почувствовала после переезда.

Другой.

Внимательной.

Словно квартира ждала, что Лина произнесёт следующей.

Ноутбук стоял на кухонном столе.

Закрытый.

Рядом лежала синяя папка с документами по исполнительному производству.

За последние месяцы она стала толще.

Постановление о возбуждении производства.

Требования пристава.

Объяснения.

Медицинские справки.

Сведения из детского сада.

Распечатки переписки.

Жалоба.

Судебное решение об отмене штрафа.

Лина открыла папку и положила сверху чистый лист.

Написала дату.

Ниже:

Звонок из ПДН — 08:12.

Сообщено о заявлении, согласно которому дети могут находиться без присмотра.

Материал зарегистрирован в 07:43.

Ручка остановилась.

Она добавила:

Дети одни не оставались.

Фраза выглядела жалко.

Три слова против официального обращения.

Лина открыла ноутбук.

Экран загорелся.

Появилось рабочее окно, оставшееся со вчерашнего вечера.

Таблица.

В одной колонке — даты.

В другой — действия Алексея.

В третьей — учреждения.

ФССП.

Детский сад.

Поликлиника.

Опека.

Теперь требовалась ещё одна строка.

ПДН.

Лина внесла время звонка и описание.

Сохранила файл.

В верхней части экрана на мгновение появился маленький значок.

Будто включилась камера.

Или микрофон.

Он исчез так быстро, что Лина не успела рассмотреть. Она провела пальцем по чёрной точке над экраном. Когда-то Алексей устанавливал на ноутбук программы. Говорил, что так сможет помогать ей с настройками удалённо.

— Если зависнет, позвонишь, я подключусь и всё исправлю.

Тогда это казалось заботой.

Как камеры.

Как отчёты.

Как запрет ходить возле гаражей.

Как требование писать, когда она дошла до магазина.

Всё начиналось со слов о безопасности.

Телефон завибрировал.

На этот раз звонила заведующая детским садом.

— Лина Андреевна, добрый день.

— Добрый.

— Вам удобно говорить?

— Да.

— У нас поступил запрос относительно посещения Юлией детского сада.

Лина посмотрела на часы.

После звонка из ПДН прошло семнадцать минут.

— Какой запрос?

— О посещаемости, пропусках и лицах, которые забирают ребёнка.

— От кого?

— Официальный запрос пока не поступил. Отец звонил лично. Сказал, что готовит обращение.

— Что именно он хочет узнать?

— Посещает ли Юля учреждение и кто находится с ней во время ремонта.

— Вы ему ответили?

— Только общую информацию. Он указан отцом в документах.

— Он спрашивал про соседку?

Заведующая замолчала.

— Про какую соседку?

— Галину Сергеевну.

— Нет. Он сказал, что мать собирается оставлять детей у посторонних людей.

Лина сжала ручку.

— Ремонт ещё не начался.

— Я знаю.

— Юля сегодня должна прийти в сад.

— Да.

— Тогда почему обсуждается, где она будет находиться во время закрытия?

— Потому что отец поставил вопрос о безопасности.

— До наступления события.

— Лина Андреевна, я не хочу вмешиваться в ваш конфликт.

— Это уже не конфликт.

— Я понимаю.

Но по голосу было ясно: не понимает.

Для заведующей существовали мать, отец и спор между ними.

Один звонит.

Другая возражает.

Один беспокоится.

Другая объясняет.

Две стороны.

Две версии.

Одинаковое расстояние между ними и правдой.

— Если поступит официальный запрос, мы обязаны ответить, — сказала заведующая.

— Ответьте.

— Я просто хотела предупредить.

— Спасибо.

— И ещё. Возможно, вам стоит письменно сообщить, кто будет присматривать за Юлей во время ремонта.

— Кому?

— Нам. Чтобы информация была в личном деле.

— Раньше этого не требовалось.

— Раньше не было обращения от второго родителя.

Вот как это работало.

Заявление не доказывало опасность.

Но создавало обязанность других людей учитывать её воз-

возможность.

После его появления обычное решение матери становилось обстоятельством, которое нужно дополнительно оформлять.

— Хорошо, — сказала Лина. — Я предоставляю сведения.

— Только не воспринимайте это как обвинение.

— А как?

Заведующая не нашла ответа.

— Нам нужно соблюдать порядок.

— Я понимаю.

Это была фраза, которой Лина заканчивала почти все разговоры с учреждениями.

Я понимаю.

Понимаю, что вы обязаны проверить.

Понимаю, что должны запросить объяснение.

Понимаю, что заявление зарегистрировано.

Понимаю, что отец имеет право обращаться.

Понимаю, что вы не можете заранее признать его слова ложью.

Никто не спрашивал, сколько раз она уже понимала чужие обязанности.

И кто обязан понимать, что происходит с ней.

Следующее уведомление пришло из приложения ФССП.
Вам направлен документ по исполнительному про-

ИЗВОДСТВУ.

Лина открыла.

Это было требование представить сведения о порядке исполнения мирового соглашения, местах передачи ребёнка и причинах возможного привлечения третьих лиц к уходу за несовершеннолетней.

Внизу стояла фамилия пристава.

Елена Викторовна.

Лина прочитала документ полностью.

Потом ещё раз.

Никакого нарушения пока не было.

Не состоялась даже дата, в которую оно могло произойти.

Но объяснения уже требовались.

Она позвонила Вере Михайловне.

Юрист ответила не сразу.

— Что случилось?

— Новое заявление.

— Куда?

— Пока я знаю про ПДН, сад и пристава.

— Один и тот же повод?

— Дети якобы будут оставаться одни во время ремонта.

— Будут?

— Нет. С ними согласилась сидеть соседка.

— Алексей знает?

Лина посмотрела на ноутбук.

— Знает.

— Ты ему сообщала?

— Нет.

— Павел?

— Тоже нет.

— Соседка могла сказать?

— Она с ним не знакома.

— В переписке обсуждали?

— Только дома.

— Телефон рядом был?

— Не помню. Но имени я никому не писала.

— А он назвал имя?

— Да.

Вера Михайловна замолчала.

— Дословно что сказал?

— «Почему за моим ребёнком смотрит какая-то Галина?»»

— Сохрани переписку.

— Это был звонок.

— Запись есть?

— Нет.

— Тогда запиши дату, время и содержание разговора.

— Уже.

— Хорошо. А ноутбук?

Лина перевела взгляд на экран.

— Что ноутбук?

— Алексей когда-нибудь имел к нему доступ?

— Устанавливал что-то. Чтобы подключаться удалённо.

— Давно?

— Когда мы жили вместе.

— Программу удаляли?

— Нет.

— Тогда пока ничего не трогай.

— Ты думаешь, он может слышать?

— Я пока думаю только о том, что человек знает информацию, которой ты ему не сообщала. Не делай вывод раньше проверки.

— А что делать?

— Сначала ответить учреждениям. Спокойно. Одни и те же факты, без эмоций. Потом проверить устройство у специалиста.

— Если там что-то есть, он узнает, что я собираюсь проверять.

— Не обсуждай это возле ноутбука.

Лина машинально отодвинулась от стола.

Вера Михайловна продолжила:

— И не выключай резко, не удаляй программы, не меняй настройки. Если найдут следы доступа, они могут понадобиться в исходном виде.

— Получается, я должна оставить это дома?

— До осмотра — да.

— Рядом с детьми?

— Закрой ноутбук. Отключи от сети. Убери туда, где он не будет использоваться.

Лина опустила крышку.

Экран исчез.

Но ощущение присутствия осталось.

— А по заявлению?

— Запроси копии. Подготовь письменные объяснения.

Возьми подтверждение от соседки. Сохрани сообщение сада о ремонте.

— Я опять должна доказывать, что ничего не сделала.

— Пока да.

— А он?

— Что он?

— Он должен доказать, что дети оставались одни?

— Если речь пойдёт о привлечении тебя к ответственности, сведения должны проверить.

— Но проверять начали меня.

— Потому что заявление подано в отношении тебя.

— То есть достаточно написать первым.

Вера Михайловна не ответила сразу.

— Иногда первое заявление действительно задаёт направление всей проверке.

— Даже если оно ложное?

— Особенно если никто ещё не представил другую версию.

Лина посмотрела на синюю папку.

— Я представляю.

— Не торопись писать много. Только факты.

— Фактов уже слишком много.

— Тогда пора перестать хранить их как отдельные случаи.

— А как?

— Как хронологию.

Лина открыла папку.

Каждый документ лежал в своём файле.

Каждый относился к отдельному эпизоду.

Болезнь.

Встреча.

Отпуск.

Штраф.

Суд.

Теперь — дети без присмотра.

Если смотреть на каждую страницу отдельно, происходили разные события.

Но инициатор был один.

Формулировки повторялись.

Цель не менялась.

Заставить её отвечать.

Являться.

Объяснять.

Предоставлять.

Доказывать.

Оставаться доступной.

— Я поняла, — сказала Лина.

— Что именно?

— Почему он пишет сразу в несколько мест.

— Почему?

— Если одна проверка закончится ничем, останутся другие.

После разговора Лина убрала ноутбук в верхний шкаф.
Не в коробку.

Пока просто с глаз.

Потом достала чистую тетрадь.

На первой странице написала:

ХРОНОЛОГИЯ ОБРАЩЕНИЙ АЛЕКСЕЯ.

Ниже поставила дату первого известного заявления.

Потом второго.

Третьего.

Страниц оказалось недостаточно.

Она перенесла записи на большой лист.

Соединила стрелками.

От Алексея линия шла к приставу.

От пристава — к ней.

От Алексея — в детский сад.

Из сада — к ней.

От Алексея — в поликлинику.

Из поликлиники — снова к ней.

От Алексея — в ПДН.

От ПДН — к ней.

Все линии возвращались в одну точку.

К Лине.

Юля проснулась и пришла на кухню, прижимая к груди зайца.

— Мама.

— Я здесь.

— Кушать.

Лина убрала документы подальше от края стола.

Посадила дочь на стул.

Достала кашу.

Пока разогревала, Юля потянулась к листу.

— Рисовать?

— Нет, это мамины записи.

— Работа?

Лина посмотрела на стрелки.

— Да.

— Большая?

— Очень.

Юля ткнула пальцем в фамилию Алексея.

Она ещё не умела читать.

Просто выбрала слово, от которого расходилось больше всего линий.

— Папа?

Лина замерла.

— Почему ты так решила?

Юля пожала плечами.

— Папа звонит.

Будто этого было достаточно.

Папа был там, откуда приходили звонки.

Лина поставила перед дочерью тарелку.

— Горячо. Подожди.

Юля подула на кашу.

Потом спросила:

— Папа придёт?

— Сегодня нет.

— Завтра?

— Не знаю.

— Он знает, где мы?

Ложка остановилась в её руке.

Это был вопрос Павла.

Теперь его повторяла Юля.

— Зачем тебе знать?

— Чтобы дверь закрыть.

Лина присела перед дочерью.

— Дверь закрыта.

— На два?

— На два замка.

Юля удовлетворённо кивнула и начала есть.

В другой комнате зазвонил новый телефон.

Лина не двинулась.

Сначала дождалась, пока дочь проглотит первую ложку.

Потом вторую.

Только после этого пошла смотреть.

Звонили из органа опеки.

К двум часам у Лины было четыре пропущенных звонка, три сообщения и два официальных уведомления.

В опеке попросили прибыть для беседы.

В ПДН — дать объяснения.

Пристав потребовала сведения об исполнении соглашения.

Детский сад готовил ответ отцу.

Ни один сотрудник не видел детей одних.

Ни один не располагал подтверждением опасности.

Но каждый действовал правильно в пределах своей процедуры.

Именно это пугало сильнее всего.

Чтобы давление продолжалось, Алексею больше не требовалось нарушать закон открыто.

Достаточно было запускать предусмотренные законом механизмы.

Лина оделась.

Собрала документы.

Паспорт.

Свидетельства о рождении.

Справку о работе.

Сообщение о ремонте сада.

Записку с данными Галины Сергеевны.

Распечатку решения суда об отмене штрафа она взяла последней.

Не потому, что оно относилось к новому заявлению.

Потому что теперь хотела носить доказательство прошлой ошибки системы с собой.

В коридоре ПДН пахло бумагой, пылью и дешёвым кофе.

На стене висели плакаты о защите детства.

На одном ребёнок держал взрослого за руку.

Под изображением было написано:

ДЕТИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ В БЕЗОПАСНОСТИ.

Лина села на жёсткий стул.

За дверью кабинета кто-то говорил.

Мужской голос.

Она узнала его сразу.

Алексей.

Слов разобрать не удавалось.

Только интонацию.

Спокойную.

Уверенную.

Так он разговаривал с посторонними людьми.

Без крика.

Без резких движений.

Будто пришёл не обвинять мать своих детей, а решать воз-

никшую проблему.

Дверь приоткрылась.

— Я ведь не хочу, чтобы её наказывали, — сказал Алексей. — Мне важно понимать, что дети в безопасности.

— Мы проверим, — ответила сотрудница.

— Конечно. Я поэтому и обратился.

Лина опустила взгляд на папку.

Вот какой была его версия.

Он не требовал наказания.

Не преследовал.

Не пытался получить ребёнка.

Он беспокоился.

Дверь открылась полностью.

Алексей вышел.

Увидев Лину, остановился.

На нём была тёмная куртка. В руках — прозрачный файл с документами.

— Быстро приехала, — сказал он.

— Ты написал, что дети остаются одни?

— Я написал, что хочу проверить условия.

— Ты знаешь, что они не одни.

— Откуда мне знать?

— Ты даже назвал имя соседки.

Он слегка улыбнулся.

— Значит, всё-таки оставляешь у неё.

— Сад ещё не закрылся.

— Но собираешься.

— Откуда ты узнал?

— Какая разница?

— Большая.

— У меня есть право знать, с кем находится дочь.

— Право знать не даёт тебе права слушать разговоры в моей квартире.

Улыбка исчезла.

Совсем ненадолго.

— Ты о чём?

— Ты понял.

— У тебя опять начинается.

Из кабинета выглянула сотрудница.

— Лина Андреевна, проходите.

Алексей отступил в сторону.

— Объясни им, — сказал он. — Если всё нормально, чего бояться?

Лина посмотрела на него.

Раньше она начала бы отвечать.

Сказала бы, что не боится.

Что ей нечего скрывать.

Что дети накормлены.

Что соседка надёжная.

Что она работает.

Что всё делает правильно.

Но теперь услышала в его вопросе не просьбу.

Приказ оправдываться.

— Я не боюсь проверки, — сказала она. — Я фиксирую причину, по которой она началась.

Алексей усмехнулся.

— Фиксируй.

— Уже.

Она вошла в кабинет.

Инспектор Орлова сидела за столом.

Перед ней лежало заявление Алексея.

Сверху была видна первая страница.

Фамилия Лины.

Фамилии детей.

Адрес регистрации.

Фактический адрес был указан не полностью.

Значит, Алексей всё ещё не знал номер квартиры.

Лина почувствовала короткое облегчение.

— Присаживайтесь.

Она села.

— Прежде чем мы начнём, хочу пояснить: поступившая информация подлежит проверке независимо от отношений между родителями.

— Я понимаю.

— Нам нужно установить, находились ли дети без присмотра и существует ли такая угроза.

— Не находились.

— Кто присматривает за ними во время вашей работы?

Лина положила на стол справку, сообщение детского сада и записку с данными соседки.

— Детский сад пока работает. Павел ходит в школу. Во время ремонта за ними согласилась присматривать Галина Сергеевна, наша соседка.

— Она родственница?

— Нет.

— Педагогическое образование имеет?

— Насколько знаю, нет.

— Состояние здоровья позволяет ей находиться с малолетним ребёнком?

— Да.

— Алкоголь употребляет?

— Я не видела.

— Вы давно знакомы?

— После переезда.

— Насколько хорошо знаете этого человека?

Лина почувствовала, как раздражение поднимается к горлу.

— Достаточно, чтобы доверить ей несколько часов присмотра.

— Отец ребёнка согласен?

— Для привлечения соседки к кратковременному присмотру его согласие не требуется.

Инспектор подняла глаза.

— Я не утверждаю обратного. Уточняю позицию второго родителя.

— Его позиция состоит в том, что, если я работаю, ребёнку нужно передавать ему.

Орлова сделала пометку.

— Он так сказал?

— Неоднократно.

— Есть подтверждение?

— Переписка и записи разговоров.

— Можете предоставить?

— Да.

— Почему вы отказываетесь оставлять дочь с отцом?

— Я не отказываюсь от встреч. Они проходят по установленному графику. Но он требует передавать Юлю дополнительно, в том числе когда употребляет алкоголь, нарушает время возвращения или когда ребёнок болеет.

— Это другой вопрос.

— Нет. Это причина заявления.

— Объясните.

— Алексей знает, что во время ремонта сада мне потребуется помощь. Он хочет, чтобы я передавала Юлю ему. Я выбрала соседку. После этого появилось заявление, будто дети будут находиться одни.

Инспектор посмотрела на лежащий перед ней документ.

— Здесь указано, что заявителю стало известно о возмож-

ном оставлении детей без надлежащего присмотра.

— От кого стало известно?

— Это мы будем устанавливать.

— Он назвал имя соседки до того, как дети у неё остались.

Ручка инспектора остановилась.

— Вы сообщали ему?

— Нет.

— Через ребёнка?

— Нет.

— В социальных сетях?

— Нет.

— В переписке с другими лицами?

— Нет. Мы обсуждали это только дома.

— Кто находился в квартире?

— Я, Павел, Юля и включённый ноутбук.

Орлова медленно положила ручку.

— Вы предполагаете прослушивание?

— Я пока ничего не предполагаю. Я фиксирую, что он получил информацию, которой ему не передавали.

— Ранее подобные случаи были?

Лина посмотрела на заявление.

Потом на синюю папку.

— Были камеры.

— Где?

— В доме, где мы жили вместе.

— Скрытые?

— Не все. Часть он установил открыто. Потом появлялись новые.

— Вы обращались по этому поводу?

— Нет.

— Почему?

Лина могла бы рассказать долго.

О том, что сначала камеры назывались защитой.

Что потом красные точки появились в коридоре и кухне.

Что Алексей требовал открытых дверей.

Что проверял записи.

Что она научилась двигаться по дому так, будто всё время находится перед чужим взглядом.

Но инспектор спросила не об этом.

Ей требовалась короткая причина, почему официального обращения не существовало.

— Тогда я ещё не понимала, что имею право возражать.

Орлова посмотрела на неё внимательнее.

— Хорошо. По ноутбуку ничего самостоятельно не удаляйте. Если считаете, что к устройству получали доступ без вашего согласия, потребуется техническая проверка.

— Я уже договорилась.

— Результаты предоставьте.

— Предоставлю.

— Теперь вернёмся к детям.

Они разговаривали почти час.

Лина отвечала.

Показывала документы.

Называла даты.

Объясняла, кто забирает Юлю.

Рассказывала, во сколько Павел возвращается из школы.

Сообщала, где работает.

Подписывала каждую страницу объяснения.

В конце инспектор сказала:

— На данный момент оснований утверждать, что дети оставались одни, нет.

— Тогда проверка закончена?

— Нам необходимо опросить соседку и, возможно, Павла.

— Павла зачем?

— Чтобы подтвердить обстоятельства.

— Ему одиннадцать лет. Он не должен защищать меня от выдуманного обвинения.

— Он не будет вас защищать. Мы установим факты.

— А заявителя вы будете опрашивать о том, откуда он получил сведения?

— Уже опросили.

— И что он сказал?

— Сослался на информацию, полученную из источников, которые не пожелал назвать.

— То есть доказательств у него нет.

— Это будет отражено в материале.

— Будет написано, что информация не подтвердилась?

— Если не подтвердится — да.

— А что будет написано о том, что он сообщил её как существующую угрозу?

Инспектор устало вздохнула.

— Лина Андреевна, наша задача — проверить условия жизни детей.

— Я понимаю.

— Тогда в чём вопрос?

Лина посмотрела на заявление.

— В том, кто проверяет человека, который снова и снова создаёт для вас эту задачу.

Орлова ничего не ответила.

За окном медленно начинало темнеть.

На столе между ними лежали две версии.

Одна занимала несколько страниц и была зарегистрирована утром.

Вторая состояла из справок, сообщений, объяснений, фамилий, времени, медицинских документов и слов ребёнка, которого ещё собирались опрашивать.

Первую Алексей написал за один вечер.

Вторую Лина должна была доказывать всей жизнью.

Домой она вернулась после шести.

Павел сидел на кухне и делал уроки.

Ноутбука на столе не было.

— Ты его убрала? — спросил он.

— Да.

— Потому что он слушает?

— Мы пока не знаем.

— Но Алексей знает про Галину Сергеевну.

— Знает.

— Значит, слушает.

— Это нужно проверить.

— А если там программа?

Лина сняла куртку.

— Тогда сохраним всё, что найдут.

— И удалим?

Она посмотрела на верхний шкаф.

— Не сразу.

— Почему?

— Потому что иногда опасную вещь нельзя ломать, пока не доказал, что она существовала.

Павел закрыл тетрадь.

— Это как с его камерами?

— Похоже.

— Только камера видит.

— А эта могла слышать.

— Значит, дом всё-таки поехал с нами?

Лина подошла к окну.

В стекле отражалась кухня.

Стол.

Синяя папка.

Павел.

Она сама.

И тёмный прямоугольник шкафа, за дверцей которого лежал ноутбук.

— Только одна его часть, — сказала Лина.

— А теперь?

Она посмотрела на сына.

— Теперь мы узнаем, что она слышала.

Ночью Лине приснился коридор.

Он был длиннее прежнего.

По обеим сторонам стояли одинаковые двери.

На первой табличке было написано:

ПРИСТАВ.

На второй:

ПОЛИЦИЯ.

На третьей:

ОПЕКА.

На четвёртой:

ДЕТСКИЙ САД.

На пятой:

ПОЛИКЛИНИКА.

Возле каждой двери лежал один и тот же лист бумаги.

Лина подняла ближайший.

На нём было написано:

МАТЬ НЕ ИСПОЛНЯЕТ.

Она подошла к следующей двери.

Там лежала копия.

Потом ещё одна.

И ещё.

— Кто их разложил? — спросила Лина.

Девочка стояла в конце коридора.

В светлом платье.

В руках держала закрытый ноутбук.

На его крышке мигала маленькая красная точка.

— Тот, кто пришёл первым, — ответила она.

— Но это неправда.

— Двери не знают.

— Я расскажу.

— Каждой?

Лина оглянулась.

Коридор продолжал расти.

Появлялись новые двери.

Новые таблички.

Новые копии.

— Сколько их будет?

— Столько, сколько понадобится, чтобы ты устала открывать.

— Что мне делать?

Девочка протянула ноутбук.

— Сначала узнай, кто слушает.

— А потом?

— Перестань отвечать каждой двери отдельно.

— Они требуют объяснений.

— Тогда дай им одно.

— Какое?

Девочка посмотрела на листы, лежащие вдоль коридора.

— Не ответ.

— А что?

— Последовательность.

Красная точка на ноутбуке погасла.

В ту же секунду все двери открылись.

За каждой находилась одна и та же комната.

В ней сидел Алексей и писал новое заявление.

Лина проснулась.

В квартире было темно.

Она лежала неподвижно и слушала.

Холодильник включился на кухне.

Где-то в стене прошла вода.

Юля тихо дышала рядом.

Из комнаты Павла не доносилось ни звука.

Лина встала.

Не включая свет, прошла на кухню.

Достала ноутбук из шкафа.

Положила на стол.

Не открыла.

Рядом поставила синюю папку.

Потом взяла новый лист и написала:

ПАПКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

Ниже:

Не отдельные события.

Не отдельные заявления.

Не отдельные оправдания.

Она подумала и добавила:

Система.

Телефон засветился.

Пришло новое уведомление.

Ваше обращение зарегистрировано.

Лина не сразу поняла, о каком обращении идёт речь.

Потом увидела фамилию заявителя.

Не её.

Алексея.

Ещё одно учреждение.

Ещё один номер.

Ещё одна дверь.

Она сохранила уведомление.

Записала время.

Положила лист в папку.

Прежде чем Лина успела рассказать, что произошло, чужая версия уже получила номер.

Но впервые она не собиралась отвечать ей отдельно.

Теперь Лина начинала собирать доказательства того, почему такие версии появлялись снова и снова.

Глава 1. Одна версия — четыре адреса

На следующее утро Лина разложила документы по четырём стопкам.

ПДН.

Опека.

ФССП.

Детский сад.

В каждой лежал пока один лист.

Сообщение.

Уведомление.

Требование.

Запись телефонного разговора, сделанная её рукой.

Четыре учреждения.

Четыре разных основания для проверки.

Один заявитель.

Лина поставила рядом пятую стопку.

На неё положила судебное решение об отмене штрафа.

Надписала:

ЗАКОНЧЕНО.

Посмотрела на слово.

Перечеркнула.

Написала сверху:

БЫЛО.

Потому что ничего не закончилось.

Штраф отменили.

Но дело не исчезло.

Оно просто сменило форму.

Павел вошёл на кухню уже одетым.

Волосы после сна торчали на затылке. В одной руке он держал учебник, в другой — синюю машинку с подклеенным колесом.

Машинка давно стала слишком детской для него.

Но он всё равно иногда брал её, когда волновался.

Не играл.

Просто крутил колесо пальцем.

— Это всё про нас? — спросил он.

— Про заявления.

— А заявления про нас.

Лина не стала спорить.

— Сад закрывается только в понедельник, — сказал Павел.

— Да.

— Сегодня четверг.

— Да.

— А он уже написал, что мы одни.

— Что можем остаться без присмотра.

— Это одно и то же.

— Для проверки — не совсем.

Павел сел за стол.

Посмотрел на надписи.

— ПДН — это полиция?

— Подразделение по делам несовершеннолетних.

— А опека?

— Проверяет условия жизни детей и соблюдение их прав.

— Пристав?

— Следит за исполнением соглашения.

— А сад зачем?

— Алексей запросил информацию о Юле.

Мальчик пересчитал стопки.

— Получается, он написал в четыре места?

— Пока я знаю о четырёх.

— И они все тебе позвонили.

— Да.

— А ему?

Лина подняла глаза.

— Что ему?

— Они ему тоже звонят? Спрашивают, почему он написал неправду?

— Не знаю.

— Спроси.

— Кого?

— Всех.

Он произнёс это просто.

Как будто у каждого вопроса обязательно существовал человек, обязанный дать ответ.

Лина придвинула к себе кружку.

Чай остыл.

— Паша, учреждения проверяют информацию о детях.

— Я понял.

— Если поступает сообщение, они не могут его проигнорировать.

— А если он будет писать каждый день?

— Тогда каждый день будут проверять?

— Не обязательно.

— Почему сейчас обязательно, а потом не обязательно?

Лина не нашла короткого ответа.

Павел покрутил колесо машинки.

— Он нашёл кнопку.

— Какую?

— Если нажать на неё, к тебе приходят взрослые и спрашивают, хорошая ли ты мама.

Лина посмотрела на сына.

— Я не должна доказывать, что хорошая.

— Вчера доказывала.

— Я объясняла обстоятельства.

— Это по-взрослому называется «доказывала».

Она хотела возразить.

Но не смогла.

В ПДН её спрашивали, где работают родители.

Кто готовит еду.

Где спит каждый ребёнок.

Есть ли у Юли отдельное место.

Кто водит её в сад.

Остаётся ли Павел с сестрой.

Употребляет ли Лина алкоголь.

Состоит ли на учёте.

Были ли приводы.

Есть ли долги по коммунальным платежам.

Каждый вопрос сам по себе был допустимым.

Вместе они создавали человека, которого до заявления не существовало.

Мать, которую следовало проверить.

— Ешь, — сказала Лина. — Опоздаешь.

Павел взял бутерброд.

— Я не хочу, чтобы меня опрашивали.

— Я постараюсь, чтобы не пришлось.

— А если скажут, что обязательно?

— Тогда я буду рядом.

— Нет.

— Что?

— Если ты будешь рядом, они скажут, что я говорю из-за тебя.

Лина замерла.

Павел откусил бутерброд.

— Откуда ты это взял?

— Алексей всегда так говорил.

— Как?

— Что я повторяю твои слова.

Он жевал медленно.

Потом добавил:

— А если тебя не будет, я скажу свои.

— Какие?

— Что я не оставался с Юлей один. Что Галина Сергеевна согласилась приходить. Что Алексей не спрашивал меня, всё ли хорошо. Он сразу написал.

Лина положила ладонь поверх его руки.

— Ты не обязан участвовать в этом.

— Уже участвую.

— Ты ребёнок.

— В заявлениях тоже написано про меня.

Он высвободил руку не резко.

Просто потому, что пора было собираться.

— Скажи им, что я не хочу разговаривать без тебя, — попросил он.

— Скажу.

— И без Алексея.

— Хорошо.

— И чтобы не записывали так, будто я сказал другое.

Лина кивнула.

— Хорошо.

Павел встал.

Возле двери обернулся.

— Мам.

— Что?

— А если они поверят ему?

— Сначала они должны проверить.

— Это не ответ.

Лина посмотрела на четыре стопки.

— Тогда мы покажем документы.

— Все?

— Все, которые понадобятся.

— А если они спросят только про один день?

Вопрос оказался точнее, чем он понимал.

— Тогда расскажем и про этот день.

Павел ушёл.

Лина ещё несколько минут слышала его шаги на лестнице.

Потом подъездная дверь хлопнула.

Телефон завибрировал.

На экране высветилось имя пристава.

Елена Викторовна говорила сухо.

Будто читала заранее подготовленный текст.

— В рамках исполнительного производства вам направлено требование о предоставлении информации.

— Я получила.

— Срок ответа указан.

— Указан.

— Также необходимо сообщить, кем будет осуществляться уход за ребёнком в период временного закрытия дошкольного учреждения.

— Как это относится к исполнению мирового соглашения?

На другом конце возникла пауза.

— Взыскатель указывает на возможность нарушения его родительских прав.

— Каким образом?

— Посредством передачи ребёнка третьим лицам вместо отца.

— В соглашении написано, что я обязана передавать Юлю ему в любое время, когда работаю?

— Нет.

— Там написано, что я должна согласовывать с ним няню, родственников или соседку?

— Нет.

— Тогда какое нарушение вы проверяете?

Голос пристава стал холоднее.

— Лина Андреевна, я не давала правовую оценку. Я запросила сведения.

— В требовании сказано, что сведения необходимы в связи с возможным уклонением от исполнения.

— Потому что поступило заявление взыскателя.

— Его заявление содержит дату нарушения?

— Он указывает на предстоящий период.

— То есть нарушения ещё не было.

— Возможные действия также могут иметь значение для правильного исполнения судебного акта.

— Вы предупреждаете меня не нарушать то, чего в соглашении нет?

— Я предлагаю вам не спорить по телефону, а предоставить письменные объяснения.

Лина посмотрела на диктофон.

После предыдущих событий она почти всегда включала запись до разговора с приставом.

Красная линия двигалась по экрану.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я направлю письменное ходатайство.

— Какое?

— Прошу указать конкретный пункт мирового соглашения, который обязывает меня передавать дочь отцу в любое время моей занятости.

— Вы можете написать всё, что считаете нужным.

— И прошу приобщить к материалам сведения о том, что детский сад ещё не закрыт и ребёнок фактически не оставался без присмотра.

— Предоставляйте.

— А заявление Алексея будет в материалах?

— Разумеется.

— Я могу получить копию?

— После поступления ходатайства рассмотрим.

Лина записала.

— Ещё один вопрос.

Елена Викторовна тяжело выдохнула.

— Слушаю.

— Пристав проверяет только возможные нарушения должника?

— Что вы имеете в виду?

— Если взыскатель сообщает о событии, которого не было, это тоже отражается в материалах?

— Если информация не подтвердится, будет дана оценка.

— Какая?

— Это зависит от обстоятельств.

— В прошлый раз он приехал раньше установленного времени, уехал до начала встречи и представил запись как доказательство непередачи. Это отражено?

— Мы уже рассматривали тот эпизод.

— Я спрашиваю, где зафиксировано, что он не дождался установленного времени.

— Лина Андреевна, сейчас речь идёт о другом заявлении.

— Именно.

— Не понимаю.

— Каждый раз речь идёт о другом заявлении.

Пристав замолчала.

— Направляйте документы письменно, — сказала она. —

Всего доброго.

Связь оборвалась.

Лина остановила запись.

Разговор длился девять минут сорок одну секунду.

Она сохранила файл под датой.

Потом записала основное:

Нарушение не наступило.

Конкретный пункт соглашения не назван.

Требование вынесено на основании заявления взыскателя.

Раньше после такого разговора она ещё долго ходила по квартире и мысленно продолжала спор.

Придумывала точные фразы.

Возвращалась к каждому вопросу.

Доказывала отсутствующему собеседнику, что права.

Теперь она открыла папку ФССП и положила запись рядом с требованием.

Не объяснение.

Доказательство.

Через полчаса позвонили из опеки.

Женщина представилась Светланой Олеговной.

Говорила мягко.

От этого вопросы не становились легче.

— Мы получили обращение отца несовершеннолетней

Юлии.

— По поводу детей без присмотра?

— В том числе. В обращении поднято несколько вопросов.

— Какие ещё?

— Условия проживания, круг лиц, имеющих доступ к детям, и исполнение порядка общения.

— Вы уже проводили проверку после нашего переезда.

— Это новое обращение.

— Условия не изменились.

— Тогда осмотр это подтвердит.

Лина почувствовала, как внутри поднимается знакомое сопротивление.

Ей снова предлагали доказать отсутствие изменений.

Не потому, что кто-то увидел опасность.

Потому что Алексей написал.

— Вы хотите прийти домой?

— Нам необходимо согласовать дату посещения.

— На каком основании?

— На основании поступившего обращения.

— В нём есть конкретные сведения об угрозе детям?

— Отец указывает, что не располагает информацией об условиях проживания дочери и лицах, с которыми она остаётся.

— Он не располагает, потому что я не сообщаю ему адрес квартиры.

— Нам известно.

— Условия вы уже проверяли.

— Да.

— Акт у вас есть.

— Есть.

— Значит, сведения об условиях проживания у органа опеки имеются.

Светлана Олеговна помолчала.

— Лина Андреевна, я понимаю ваше раздражение.

— Это не раздражение.

— А что?

— Я пытаюсь понять, сколько раз одно и то же учреждение должно проверить одну квартиру, чтобы сведения перестали считаться неизвестными.

— Мы не считаем их неизвестными.

— Тогда зачем новый осмотр?

— Потому что заявитель указывает на возможное изменение ситуации.

— Какое?

— Привлечение постороннего лица к уходу за детьми.

— Соседка не живёт с нами.

— Но будет находиться с детьми.

— Несколько часов во время ремонта сада.

— Именно это нам и нужно зафиксировать.

— Что рядом с детьми будет взрослый человек?

— В том числе.

Лина посмотрела на лист с данными Галины Сергеевны.

— Хорошо. Я не возражаю против проверки. Но прошу письменно указать её предмет.

— Мы направим уведомление.

— И приобщить предыдущий акт.

— Он находится у нас.

— Не просто оставить в архиве. Приобщить к новому материалу.

— Почему это для вас важно?

— Потому что иначе каждое заявление начинается с нуля.

Женщина снова замолчала.

— Я вас услышала.

Эта фраза ничего не обещала.

Но Лина записала и её.

К обеду появился официальный запрос в детский сад.

Заведующая переслала Лине фотографию первой страницы.

— Я не обязана была это делать, — предупредила она по телефону. — Просто считаю, что вы должны понимать содержание.

— Спасибо.

На фотографии читались вопросы:

Посещает ли несовершеннолетняя дошкольное учреждение?

Имеются ли пропуски без уважительной причины?

Кто приводит и забирает ребёнка?

Поступали ли от матери заявления об ограничении доступа отца?

Сообщала ли мать о лицах, которым намерена передавать ребёнка в период ремонта?

Лина увеличила изображение.

Последний вопрос отличался от остальных.

Он касался события, которого ещё не было.

— Кто направил запрос?

— Пока это обращение самого отца. Если придёт официальный запрос, ответ будет аналогичным.

— Что вы напишете?

— Что Юлия посещает сад регулярно. Забирали вы, отец и лица, указанные в заявлении. Ограничений в отношении отца от вас не поступало.

— А про ремонт?

— Что сад будет закрыт на две недели и родители организуют присмотр самостоятельно.

— Фамилию соседки вы укажете?

— У нас её нет.

— И не будет. Она не собирается забирать Юлю из сада. Только присматривать дома.

— Тогда это не относится к нашей компетенции.

— Именно.

Заведующая тихо вздохнула.

— Лина Андреевна, можно неофициально?

— Да.

— Я вижу много конфликтующих родителей. Обычно один говорит, что второй не даёт ребёнка. Второй — что первый ведёт себя опасно. Мы между вами.

— Юля не между нами. Она живёт со мной и встречается с отцом по соглашению.

— Я не об этом.

— А о чём?

— Любая наша справка потом оказывается в суде. Любое слово используют.

— Поэтому пишите только факты.

— Факты тоже используют.

— Но их хотя бы нельзя придумать вместо вас.

Заведующая ответила не сразу.

— Хорошо. Я подготовлю справку и дам вам копию.

После разговора Лина снова посмотрела на фотографию запроса.

Четыре вопроса относились к настоящему.

Пятый создавал будущее обвинение.

Если Лина назовёт соседку — Алексей скажет, что ребёнка передают постороннему человеку.

Если не назовёт — обвинит в сокрытии.

Если передаст Юлю ему — получит именно то, чего добивался.

Если не передаст — появится новый акт.

Ситуация была устроена так, чтобы любой выбор стал материалом.

Галина Сергеевна пришла после трёх.

Принесла пирог с яблоками.

— Павел сказал, вас в полицию вызывают.

— Уже была.

— Из-за меня?

— Не из-за вас.

— А имя моё откуда взялось?

Лина закрыла дверь на оба замка.

— Алексей его назвал.

— Вы ему говорили?

— Нет.

— Павел?

— Нет.

— Может, слышал во дворе?

— Он здесь не бывает.

Галина поставила пирог на стол.

Ей было около шестидесяти. Невысокая, крепкая, с коротко подстриженными седыми волосами. Она говорила прямо и не любила долгих объяснений.

— Значит, кто-то передал.

— Возможно.

— Кто?

Лина посмотрела на верхний шкаф.

— Пока не знаю.

— А полиция что хочет?

— Подтвердить, что дети не остаются одни.

— Я подтверждаю.

— Вас могут вызвать.

— Пусть вызывают.

— Будут спрашивать, употребляете ли вы алкоголь, можете ли присматривать за Юлей, давно ли нас знаете.

Галина нахмурилась.

— А что, для того чтобы помочь соседке, теперь диплом нужен?

— Нет.

— Тогда пусть спрашивают.

— Вы не обязаны.

— Обязана или нет — я сама решу.

Она отрезала кусок пирога.

— А отец детей почему сам с ними не сидит?

— Потому что он считает, что Юлю должны передавать ему на всё время моей работы.

— Так пусть сидит, если нормальный.

Лина ничего не сказала.

Галина посмотрела на неё.

— Не нормальный?

— Я не считаю безопасным оставлять её с ним вне установленного порядка.

— Пьёт?

— Бывает.

— Кричит?

— Да.

— Не возвращает вовремя?

— Было.

Галина кивнула, словно получила достаточно информации.

— Тогда будет у меня.

— После заявления вы можете отказаться.

— Почему?

— Чтобы вас не втягивали.

— Уже втянули.

Она произнесла это почти теми же словами, что Павел утром.

— Я не хочу, чтобы вам пришлось ходить по учреждениям.

— Лина, послушай. Если человек врёт, а все нормальные люди молчат, потому что не хотят связываться, в документах остаётся только его враньё.

Лина посмотрела на неё.

— Павел сегодня сказал почти то же самое.

— Умный мальчик.

— Слишком много понимает.

— Дети всегда понимают больше, чем взрослым удобно.

Галина допила чай.

— Запиши мой номер. Пусть звонят.

— Спасибо.

— Не благодари. Только скажи заранее, когда привести Юлю. У меня лекарства на нижней полке, надо будет убрать повыше.

Это была первая фраза за день, в которой говорилось о настоящей безопасности ребёнка.

Не о правах.

Не о заявлении.

Не о проверке.

О лекарствах на нижней полке.

Лина записала себе напоминание.

К вечеру на столе лежало уже восемь листов.

Четыре учреждения отвечали на одно обращение.

Но каждое создавало собственный документ.

Требование пристава.

Материал ПДН.

Проверка опеки.

Справка детского сада.

Если смотреть на них отдельно, Алексей почти исчезал.

Оставались названия органов.

Подписи должностных лиц.

Исходящие номера.

Сроки.

Обязанности Лины.

Она открыла тетрадь.

На новой странице написала:

ИСТОЧНИК.

Провела стрелку.

АЛЕКСЕЙ.

От его имени четыре линии расходились к учреждениям.

От учреждений ещё четыре возвращались к ней.

Она подписала:

Предоставить объяснение.

Предъявить документы.

Допустить осмотр.

Назвать лицо, осуществляющее присмотр.

Потом добавила пятую линию.

От Лины — к Галине Сергеевне.

Дать показания.

Шестую.

К Павлу.

Пройти опрос.

Седьмую.

К детскому саду.

Подготовить справку.

Одно заявление уже заставило действовать не только её.

В него оказались втянуты дети.

Соседка.

Воспитатели.

Юрист.

Сотрудники четырёх учреждений.

Алексей подал несколько страниц.

Все остальные должны были произвести десятки новых.

Павел вернулся после школы и долго стоял над схемой.

— Это он? — спросил мальчик, указывая на имя в центре.

— Да.

— А это все остальные?

— Да.

— Похоже на паука.

— Почему?

— Он сидит посередине, а нитки идут в разные стороны.

Лина посмотрела на рисунок.

Алексей находился не посередине.

Она написала его имя слева.

Посередине были учреждения.

А все стрелки заканчивались возле неё.

— Нет, — сказала Лина. — Он не в центре.

— А кто?

Павел провёл пальцем по линиям.

Они сходились у фамилии матери.

— Ты.

Лина кивнула.

— Значит, паутина вокруг тебя.

— Получается, так.

— Её можно порвать?

— Одну нитку — можно.

— А все?

Лина посмотрела на четыре стопки.

— Сначала нужно увидеть, как они связаны.

Павел взял карандаш.

Соединил тонкой линией названия учреждений.

Получился замкнутый четырёхугольник.

— Вот.

— Что это?

— Чтобы не забыть, что они про одно и то же.

Лина не стала стирать.

В восемь вечера написал Алексей.

ТЫ УЖЕ БЫЛА В ПДН?

Лина не ответила.

Следом пришло:

Я НЕ ХОЧУ ТЕБЕ ПРОБЛЕМ.

Потом:

**ПРОСТО ОТДАВАЙ ЮЛЮ МНЕ, КОГДА САМА
НЕ МОЖЕШЬ С НЕЙ БЫТЬ.**

Лина сделала снимки экрана.

Сохранила переписку.

Написала:

Юля находится со мной. В период ремонта детского сада за детьми будет присматривать совершеннолетний человек, которому я доверяю. Оснований утверждать, что дети остаются без присмотра, нет. Встречи с Юлей проходят в соответствии с утверждённым порядком.

Ответ пришёл сразу:

ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА РЕШАТЬ ОДНА.

Лина набрала:

Какой пункт соглашения обязывает меня передавать ребёнка тебе на всё время моей работы?

Три точки появились.

Исчезли.

Появились снова.

Я ОТЕЦ. ЭТОГО ДОСТАТОЧНО.

Она смотрела на экран.

Снова титул вместо действия.

Право вместо конкретного пункта.

Требование вместо договорённости.

Лина сохранила и это сообщение.

Алексей продолжил:

ЕСЛИ ТЫ НЕ СКРЫВАЕШЬ НИЧЕГО, ПОЧЕМУ БОИШЬСЯ ПРОВЕРОК?

Фраза была почти той же, что он произнёс в коридоре ПДН.

Лина написала:

Я не боюсь проверок. Я фиксирую, что они инициированы тобой до наступления события и при отсутствии сведений о том, что дети находились одни.

Ответа долго не было.

Потом пришло короткое:

ФИКСИРУЙ.

Она добавила переписку в четыре папки.

В каждую — одну и ту же копию.

Потому что одно сообщение относилось сразу ко всем проверкам.

Ночью Лина снова открыла схему.

Красная ручка лежала рядом.

Она обвела дату.

Потом написала внизу:

Один источник.

Одна версия.

Четыре адреса.

Четыре проверки.

Один человек обязан отвечать на всё.

Последняя строка не помещалась.

Лина перевернула лист.

На обратной стороне было чисто.

Она написала:

Если каждое обращение рассматривать отдельно,

повторяемость исчезает.

Подумала.

Добавила:

Значит, доказательством должна стать не только ложность одного заявления.

Ручка остановилась.

Из комнаты донёсся голос Павла:

— Мам!

Лина быстро встала.

— Что случилось?

Он сидел на кровати.

Лицо было сонным и испуганным.

— Телефон звонил.

— Мой?

— Нет.

На письменном столе лежал старый планшет.

Экран светился.

В углу мигала маленькая красная точка.

— Я ничего не включал, — сказал Павел.

Лина подошла.

На экране появилось уведомление об обновлении приложения.

Красная точка исчезла.

Обычный системный значок.

Наверное.

— Это обновление, — сказала она.

— Точно?

Лина выключила планшет.

— Теперь точно ничего не работает.

— А ноутбук?

— Он закрыт.

— Закрытое может слушать?

Она вспомнила камеры.

Отключённый интернет.

Аккумулятор, который Алексей установил после инсульта Юры.

Каждый раз, когда Лина находила способ вернуть тишину, он добавлял новый источник питания.

— Не знаю, — ответила она честно.

Павел лёг.

— Когда проверим?

— Скоро.

— А до этого?

— Не будем говорить рядом с ним о важном.

— Как дома у Алексея?

Вопрос ударил точнее обвинения.

— Нет.

— Почему нет?

Лина села рядом.

— Потому что теперь мы знаем, что можем проверить. И можем решить, что делать дальше.

— А тогда не могли?

— Тогда мне казалось, что я обязана жить внутри его правил.

— А сейчас?

Она посмотрела на выключенный планшет.

— Сейчас правила устанавливает не он.

Павел закрыл глаза.

— Но заявления пишет он.

— Пишет.

— И все слушают.

— Пока слушают первого.

— А потом?

Лина поправила одеяло.

— Потом услышат остальных.

Она вернулась на кухню.

На столе лежала схема.

Фамилия Алексея.

Четыре учреждения.

Стрелки.

Ответы.

Сроки.

Фамилии людей, которые ещё не знали, что скоро станут свидетелями.

Лина дописала незаконченную мысль:

Доказательством должна стать повторяемость.

Поставила дату.

Убрала лист в синюю папку.

На корешке пока ничего не было написано.

Но внутри уже лежала первая глава истории, которую Алексей пытался разделить на отдельные эпизоды.

Одна версия ушла по четырём адресам.

Теперь Лина собиралась вернуть её в одну точку.

Не для того, чтобы снова оправдаться.

Чтобы показать, откуда она каждый раз начиналась.

Глава 2. Сад закрывается

Объявление повесили в пятницу утром.

Белый лист формата А4.

Крупные буквы.

Печать внизу.

В СВЯЗИ С ПРОВЕДЕНИЕМ РЕМОНТНЫХ РАБОТ ДОШКОЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ БУДЕТ ЗАКРЫТО С 17 ПО 28 ЧИСЛО.

Родителей просили заранее организовать присмотр за детьми.

Ниже от руки дописали:

Дежурная группа не предусмотрена.

Лина стояла перед доской объявлений и фотографировала лист.

Вокруг собирались другие родители.

— Опять внезапно, — сказала женщина в синем пуховике. — Куда ребёнка девать на две недели?

— К бабушке повезём, — ответила другая. — Хорошо, что она не работает.

— А у нас все работают.

— Больничный бери.

— На каком основании? Ребёнок здоров.

— Тогда отпуск.

— Я уже летом была.

Обычные вопросы.

Обычные семьи.

Кто-то позвонит бабушке.

Кто-то договорится с няней.

Кто-то будет брать ребёнка на работу.

Кто-то разделит дни с мужем.

Никому не придётся сообщать приставу, почему дочь находится с родственницей.

Никто не будет объяснять ПДН, достаточно ли хорошо знает соседку.

Никого не обвинят в нарушении судебного соглашения за то, что сад закрыли на ремонт.

— Мам!

Юля выбежала из группы в расстёгнутой куртке.

За ней шла воспитательница.

— Подождите, я молнию застегну.

Девочка прижалась к ногам Лины.

— Домой?

— Домой.

— А завтра садик?

— Завтра суббота.

— Потом?

Лина посмотрела на объявление.

— В понедельник садик закроется на ремонт.

— Почему?

— Будут чинить.

— Что?

— Не знаю. Наверное, стены, трубы.

Юля задумалась.

— Сломали?

— Немного.

— Алексей?

Воспитательница подняла глаза.

Лина почувствовала, как напряглись плечи.

— Нет. Алексей ничего не ломал.

— Он дверь ломал.

— Какую дверь? — тихо спросила воспитательница.

Лина быстро застегнула дочери куртку.

— Не ломал. Просто сильно стучал.

Юля не спорила.

Для неё разница между ударом по двери и попыткой сломать её ещё не существовала.

Воспитательница отвела Лину в сторону.

— Всё в порядке?

— Сейчас — да.

— Отец приходил к вам домой?

— Было раньше.

— Если есть ограничения, вы должны сообщить.

— Ограничений нет.

— Тогда мы не можем не отдавать ему ребёнка.

— Я знаю.

Фраза прозвучала слишком резко.

Воспитательница нахмурилась.

— Я не обвиняю вас.

— Простите.

— Просто после его звонка заведующая попросила быть внимательнее.

— Внимательнее к чему?

— К тому, кто забирает Юлю и в каком она состоянии.

— В каком состоянии Алексей?

— Ребёнок.

— А отец?

Воспитательница отвела взгляд.

— Если человек явно нетрезв, мы ребёнка не передадим.

— А если запах есть, но он говорит, что выпил одну бутылку?

— Тогда позовём заведующую.

— И пока будете решать, он останется рядом с Юлей?

— Лина Андреевна, у нас есть порядок.

— Знаю.

Снова это слово.

Порядок.

Он существовал для каждого отдельного случая.

Но никто не объяснял, что делать, когда человек научился оставаться внутри допустимой границы.

Не падал.

Не кричал при воспитателях.

Не приходил с бутылкой в руке.

Говорил спокойно.

Ссылался на права.

И всегда требовал только то, что мог назвать законным.

— Я подготовлю письменное уведомление, — сказала Лина. — Чтобы ребёнка передавали только в установленные соглашениями дни.

— Хорошо.

— И чтобы фиксировали время, когда он забирает и возвращает.

— Возвращает он не нам.

— Тогда хотя бы время получения.

— Это есть в журнале.

— Можно взять копию?

— Через заведующую.

— Я подам заявление.

Воспитательница кивнула.

— Вы всё записываете?

— Теперь да.

— Наверное, тяжело так жить.

Лина посмотрела на Юлю.

Девочка стояла возле шкафчика и пыталась надеть варежки. Обе на одну руку.

— Тяжелее было, когда я ничего не записывала.

По дороге домой Юля считала красные машины.

На третьей сбилась.

Начала сначала.

Лина держала её за руку и думала о ближайших двух неделях.

В понедельник она могла работать из квартиры.

Во вторник требовалось приехать в офис.

В среду — медицинское обследование, которое она несколько раз переносила.

В четверг снова можно было остаться дома.

В пятницу назначено совещание.

Вторая неделя выглядела примерно так же.

Галина Сергеевна согласилась помогать.

Но тогда это было общее обещание.

Теперь требовалось определить конкретные дни.

Время.

Еду.

Дневной сон.

Лекарства.

Прогулки.

Ключи.

Контакты.

И всё это нужно было сделать так, чтобы не создать новый повод для обвинений.

— Мам, красная!

Юля указала на припаркованный автомобиль.

— Четыре.

— Нет, это одиннадцатая.

— Нет. Четыре.

— Хорошо. Четыре.

Возле подъезда стояла машина, похожая на автомобиль Сергея.

Лина замедлила шаг.

Цвет тот же.

Модель другая.

За рулём никого.

Она прошла мимо и всё равно обернулась.

Юля потянула её к двери.

— Холодно.

— Сейчас зайдём.

В подъезде было тихо.

На втором этаже хлопнула дверь.

Галина Сергеевна выглянула из своей квартиры.

— Видела объявление?

— Да.

— Заходите вечером. Всё распишем.

— Может, к нам?

— У тебя Павел уроки делает.

— Ничего.

Лина посмотрела на дверь соседки.

Потом на свою.

В квартире стоял ноутбук.

Закрытый.

Убранный на верхнюю полку.

Но теперь ей казалось, что безопаснее обсуждать план вне дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.